

Некрасов

Великий русский художник слова — Николай Алексеевич Некрасов был самым замечательным поэтом русской революционной демократии.

В. И. Ленин еще до революции с исчерпывающей ясностью определил классовую позицию Некрасова, видя в нем революционного демократа, «все симпатии» которого «были на стороне Чернышевского». ¹ Одну из основных заслуг Некрасова и Салтыкова В. И. Ленин усматривает в том, что они «учили русское общество различать под приглаженной и напояженной внешностью образованности крепостника-помещика его хищные интересы, учили ненавидеть лицемерие и бездушие подобных типов...», ² т. е. боролись как против крепостничества, так и против лицемерного российского либерализма. В. И. Ленин широко пользовался цитатами из Некрасова для разоблачения либерализма, меньшевизма, ликвидаторства, социал-шовинизма и т. п.

М. И. Калинин в статье «О моральном облике нашего народа» (1945) в незабываемых выражениях говорит об общественно-воспитательном значении поэзии Некрасова:

«Сильнейший толчок развитию и углублению революционной морали... дали Белинский, Чернышевский, Добролюбов, Некрасов. Они будили человеческую совесть, заставляли людей задумываться над жизнью, над тем, что можно сделать в ней полезного...

«Некрасов своими произведениями в каждом честном человеке возбуждал ненависть к рабовладельцам, любовь к народу, призывал к борьбе:

„Иди в огонь за честь отчизны,
За убежденье, за любовь...
Иди и гибни безупречно.
Умрешь не даром... Дело прочно,
Когда под ним струится кровь“.

«Его крик души — „поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан“ — невольно будил в широких кругах русского общества лучшие гражданские чувства, сознание моральной ответственности перед страной, перед своим народом». ³

А. В. Луначарский в столетнюю годовщину рождения Некрасова обосновал взгляд на него как на первоклассного художника слова, как на великолепного поэта: «Рыдая, грозя, он поднял рыдания и угрозы до степени высокой музыкальной и живописной красоты и ни на минуту их не ослабил». ⁴

Н. К. Крупская указала на значение поэзии Некрасова для коммунистов послеоктябрьского периода.

«Коммунисты, — писала она, — не Иваны Непомнящие. Они помнят революционное прошлое, помнят и борцов с первоначальными тяжелыми формами рабства, каким было крепостничество. Нельзя им не помнить и Некрасова...

«Для коммуниста дороги имена Белинского, Добролюбова, Чернышевского, не может не быть дорого и имя Некрасова... Как ни далеко от нас некрасовское время, известные духовные узы связывают нас с Некрасовым...

«Это наш поэт, хотя и отделяют нас от него три революции, не оставившие камня на камне от старых порядков». ⁵

Изучение творчества Некрасова в нашей стране принимает всё более широкие формы.

1

В 1817 году в местечке Юзвин Подольской губернии поручик 28-го Егерского полка Алексей Сергеевич Некрасов обвенчался с дочерью местного помещика, титулярного советника Закревского, Еленой Андреевной. Выйдя в 1824 году с чином майора в отставку, А. С. Некрасов поселился с семьей в своем ярославском имении — сельце Грешневе, расположенном на левом берегу Волги, недалеко от Ярославля. К этому времени у Некрасовых было уже трое детей — два сына Андрей и Николай (родившийся 28 ноября 1821 года) и дочь Елизавета.

Если образованная и гуманная Елена Андреевна (ее образ обрисован Некрасовым в ореоле исключительной моральной высоты в поэме «Несчастные», стихотворениях «Рыцарь на час» и «Затворница», отрывках из поэмы «Мать») воплощала в себе лучшие стороны тогдашней дворянской культуры, то Алексей Сергеевич был типичным представителем крепостнического бескультурья и дикости.

Общение с матерью, нежно любившей сына, способствовало расширению умственного кругозора будущего поэта; мать постоянно давала ему примеры доброго и участливого отношения к людям, в том числе и к крепостным ее мужа. Иное дело отец: он не только грубо, а подчас и жестоко обращался с детьми, не только «растил» их, по выражению поэта, «как дикарей», но и создавал вокруг них такую обстановку (безжалостная эксплуатация крепостных, бесшабашные кутежи, страстное увлечение псовой охотой, картами и т. д. и т. п.), которая не могла не влиять на детей отрицательно.

Мать была несравненно ближе сыну, чем отец. Она всячески покровительствовала сближению Некрасова с крестьянскими ребятишками, о котором поэт впоследствии так правдиво и задушевно рассказал в общеизвестном стихотворении «Крестьянские дети».

Само собой разумеется, что близкое и тесное общение с крестьянскими ребятишками неизбежно вводило Некрасова в обиход крестьянской жизни и всесторонне знакомило с крестьянским бытом.

В стихотворении «На Волге» есть поразительная по своей эмоциональной силе страница, изображающая те безотрадны горькие впечатления, которые вынес мальчик Некрасов от своей первой встречи с волжскими бурлаками. Рассказав о том, как он был «испуган, оглушен», услышав бурлацкий не то вой, не то стон, поэт продолжает:

Без шапки, бледный, чуть живой,
Лишь поздно вечером домой
Я воротился...

О, горько, горько я рыдал,
Когда в то утро я стоял
На берегу родной реки,
И в первый раз ее назвал
Рекою рабства и тоски!..⁶

Мысль о невыносимо тяжелом положении народа, — естественный и закономерный результат непосредственных впечатлений жизни, — неизбежно приводила к сочувствию угнетенным, т. е. в данном случае к крепостным, и глубоко отрицательному отношению к угнетателям, т. е. прежде всего к помещикам. Вот та общественно-психологическая почва, на которой впоследствии выросло одно из известнейших стихотворений Некрасова «Родина».

В то время, как многие наши писатели, кровно связанные с помещичьим классом, изображали породившие и вскормившие их «дворянские гнезда» с любовью и нежностью, Некрасов свое «гнездо» изображал с гневным возмущением, потому что оно в его глазах

являлось логовищем «невежд», «деспотов», «палачей»,⁷ к которым он с ранних лет относился с чувством, близким к ненависти.

Давая своему стихотворению название «Родина», Некрасов имел в виду в первую очередь породившую его крепостническую усадьбу, а затем весь крепостнический уклад социальных отношений, господствовавший в России того времени. Родину же в более широком, более общем значении этого слова Некрасов страстно любил, любил не только зрелым, вполне сознательным человеком, но и мальчиком. Под родиной в широком, общем значении он разумел прежде всего родной народ и родную природу, родную страну.

Одиннадцати лет от роду, осенью 1832 года, Некрасов поступил в Ярославскую гимназию, в которой проучился около пяти лет, дойдя до пятого класса. Гимназия не принесла Некрасову сколько-нибудь ощутительной пользы и не оставила по себе сколько-нибудь добрых воспоминаний.

Однако именно в гимназические годы начали проявляться литературные склонности юноши. Они проявлялись, с одной стороны, в любви к чтению, с другой — в попытках сочинять стихи.

Первым литературным увлечением Некрасова был романтизм. Его гимназические стихи были сугубо романтическими стихами. Это не мешало, конечно, юному Некрасову учиться у Пушкина и отчасти у Байрона критическому отношению к явлениям окружающей действительности, в особенности к произволу и насилию, господствовавшим в политической и социальной жизни.

Показательно, что среди отмеченных в некрасовском списке произведений Пушкина первое место занимает ода «Вольность».

Увлечение романтической литературой не изолировало Некрасова от впечатлений реальной жизни. В гимназические годы связи Некрасова с деревней не порывались, и нет ничего удивительного в том, что, по свидетельству одного из его гимназических товарищей (М. Н. Горошкова), что Некрасова «все очень любили за его характер и особенно за его рассказы... из деревенской жизни. После, с годами, Некрасова называли народным поэтом; народом его рассказы проникнуты были еще на школьной скамье».⁸

Оставив в 1837 году гимназию, Некрасов некоторое время жил в деревне, затем, «надув отца» (его собственное выражение) «притворным согласием поступить в Дворянский полк», отправился в Петербург.

По приезде туда (в конце июля 1838 года) Некрасов стал готовиться к поступлению в университет: именно в университет, по свидетельству Н. Г. Чернышевского, ему советовала поступить мать. Ослушание сына, осмелившегося предпочесть университет Дворянскому полку, вызвало ярый гнев отца, который отказал ему в какой бы то ни было материальной поддержке. Таким образом, 17-летний юноша должен был готовиться к университетским экзаменам и в то же самое время вести отчаянную борьбу за существование. Неудивительно поэтому, что Некрасову, вынесшему из стен Ярославской гимназии лишь обрывки знаний, как следует подготовиться в университет не удалось, и обе его попытки выдержать экзамены постигла неудача.

В своем стремлении приобщиться к настоящей науке Некрасов после неудачи на экзаменах добился зачисления в вольнослушатели, но горькая бедность лишила его возможности сколько-нибудь аккуратно посещать университет: забота о куске хлеба насущного поглощала почти всё его время.

Несколько позже суровая действительность разбила и другую мечту Некрасова. Хотя вскоре после приезда его в Петербург на страницах «Сына отечества» (в сентябрьской книжке 1838 года) было напечатано его стихотворение «Мысль», хотя и другие журналы давали время от времени место его стихотворным опытам, но издание сборничка этих последних, под

несколько претенциозным заглавием «Мечты и звуки» (вышел в свет не ранее начала 1840 года), принесло ему немало тяжелых переживаний.

Если печатные отзывы об этой книге и не были сплошь отрицательными (некоторые из журнальных критиков даже похваливали автора, снисходительно ссылаясь на его молодость, за исключением, впрочем, Белинского, резко осудившего «Мечты и звуки»), то провал сборника у публики принял гораздо более обидные и осязательные формы. «Роздал книгу на комиссию, — читаем в „Автобиографии“ Некрасова, — прихожу в магазин через неделю — ни одного экземпляра не продано, через другую — то же, через два месяца — то же. В огорчении отобрал все экземпляры и большую часть уничтожил».⁹

В эти годы Некрасов жил в горькой бедности. Только высокая трудоспособность не дала ему погибнуть. Нельзя без волнения читать следующие строки в его автобиографических заметках:

«Уму непостижимо, сколько я работал, полагаю, не преувеличу, если скажу, что в несколько лет исполнил до двухсот печатных листов журнальной работы...». Против этого места, записанного под диктовку тяжело больного поэта, Некрасов набросал слабой и дрожащей рукой: «Господи! Сколько я работал».¹⁰

Наряду с великим уважением и любовью к труду и людям труда в сердце юноши не могло не созреть чувство великой ненависти, великого гнева против тех, кто является виновником стольких страданий. В романе о Тросникове (1843) чувство ненависти перерастает в замечательную формулу: «Узнал, что есть несчастливцы, которым нет места даже на чердаках и подвалах, потому что есть счастливыцы, которым тесны целые дома...» (VI, 262).

Само собой разумеется, что эта формула могла создаться не раньше, чем сознание Некрасова было просвещено чтением передовой литературы, беседами с передовыми людьми эпохи, прежде всего с его великим «учителем» — В. Г. Белинским, но всё же совершенно несомненно, что отразившаяся в этой формуле глубоко принципиальная точка зрения была подготовлена всем комплексом переживаний, выпавших на долю Некрасова в 1838—1840 годах в Петербурге.

В начале 40-х годов на страницах редактируемых Ф. А. Кони журналов «Пантеон русского и всех европейских театров» и «Литературная газета» Некрасов поместил множество рассказов и повестей: «Макар Осипович Случайный» («Пантеон», 1840, № 5), «Без вести пропавший пиита» (там же, 1840, № 9), «Певица» (там же, 1840, № 11), «Двадцать пять рублей» («Литературная газета», 1841, №№ 9, 10), «Карета» (там же, 1841, № 60), «Жизнь Александры Ивановны» (там же, 1841, №№ 84—87) и др. К 1841 же году относится помещение повести «Опытная женщина» в «Отечественных записках» (№ 10).

В данный перечень не вошли стихи, которые, хотя далеко не с такой интенсивностью, как в конце 30-х годов, продолжал писать Некрасов (из них наиболее значительным было стихотворение «Провинциальный подьячий в Петербурге», помещенное в №№ 2, 3 и 7 «Пантеона» за 1840 год), немалое количество рецензий и критических статей в «Пантеоне» и «Литературной газете» за 1841 год и т. д.

Большинство повестей и рассказов, написанных Некрасовым в это время, может быть названо петербургскими — в том именно смысле, в котором мы говорим о «петербургских повестях» Гоголя.

Наибольший интерес представляют те из ранних повестей и рассказов Некрасова, в которых речь идет о «маленьких людях», тщетно пытающихся удержаться на поверхности жизни. Преследуемые бедностью и всевозможными неудачами, они обычно погибают. Среди этих произведений выделяется рассказ «Карета», который содержит в себе изображение горьких размышлений молодого неудачника о том, почему одним людям суждено ездить в каретах и жениться на богатых, а другим — нет. Поведение героя в конце рассказа позволяет говорить о его сумасшествии. Действие этого рассказа, точно так же как и предыдущего,

происходит в Петербурге. «Карета» принадлежит к числу тех ранних рассказов Некрасова, на которых особенно сказались влияние Гоголя, в частности «Записок сумасшедшего», подчеркнутое тем, что рассказ этот в подзаголовке назван автором «Записками дурака».

Много внимания Некрасов отдавал драматургическим опытам.

В русской, а особенно в петербургской жизни 30—40-х годов театр имел исключительно важное значение как одно из немногих проявлений общественной жизни, доступное для более или менее широких кругов. Неудивительно, что правительство Николая I, положившее в основу своей деятельности принцип строжайшего контроля над умонастроением общества, прилагало все усилия, чтобы подчинить театр своему влиянию, т. е. заставить его быть рупором угодных ему идей. В особенности это относилось к Александринскому театру, который пользовался особым вниманием Николая I, может быть, потому, что посещался широкими кругами зрителей. Руководители театра, исполняя указание правительства, культивировали определенные драматические жанры: псевдоисторическую драму и водевиль.

Псевдоисторическая драма призвана была возбуждать сугубо монархические настроения (как, например, знаменитая драма Кукольника «Рука всевышнего отечество спасла», за скептический отзыв о которой был запрещен «Московский телеграф» Н. А. Полевого); водевиль призван был «тешить» зрителя, отвлекая вместе с тем его сознание от коренных вопросов социальной действительности.

Некрасов не написал ни одной псевдоисторической драмы, а водевили его ничего общего не имели с официальной драматургией. Они не только «тешили» зрителя, но иной раз останавливали, как, например, водевиль 1841 года «Актер», его внимание на неприглядных сторонах русской действительности и сплошь да рядом проповедовали возвышенные взгляды на значение науки, литературы и искусства.

Если принять во внимание, что и сотрудничество Некрасова в журналах Кони и его усиленная работа как водевилиста относятся ко времени (1840—1841), когда он едва достиг двадцатилетнего возраста, а с другой стороны, учесть недостаточность образования, ограничившую его кругозор, и неподготовленность в чисто литературном отношении, то его писательский актив этих лет нельзя не признать довольно значительным.

Примечания

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 18, стр. 287. Основополагающие суждения В. И. Ленина о Некрасове содержатся, как известно, в статьях «Памяти графа Гейдена» (1907) и «Еще один поход на демократию» (1912).

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 13, стр. 40.

³ М. И. Калинин. О коммунистическом воспитании. Избранные речи и статьи, Лениздат, 1947, стр. 212.

⁴ Некрасов в русской критике. Составил А. Еголин. Гослитиздат, 1944, стр. 89.

⁵ Н. А. Некрасов. 1878—1938. Сборник статей и материалов. Под редакцией М. Е. Евгеньева-Максимова, Л., 1938, стр. 21, 22, 23.

⁶ Здесь и в дальнейшем тексты из произведений Некрасова цитируются по изданию: Н. А. Некрасов, Полное собрание сочинений и писем, тт. I—XII, Гослитиздат, М., 1948—1953.

⁷ Все эти эпитеты Некрасов употребляет в своих стихах, говоря о помещиках-крепостниках, в том числе и о своем отце.

⁸ В. Евгеньев. Н. А. Некрасов. Сборник статей и материалов, М., 1914, стр. 66.

⁹ «Литературное наследство», кн. 49—50, 1946, стр. 162.

¹⁰ «Литературное наследство», кн. 49—50, 1946, стр. 149, 150.